

Захаров Николай Алексеевич

**Система русской
государственной власти**

Юридическое исследование

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Алексеевич З.**
Система русской государственной власти: Юридическое исследование / Захаров Николай Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 324 с.

ISBN 978-5-519-85897-7

ISBN 978-5-519-85897-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

долженъ ихъ проанализировать, облечь въ юридическую форму совершившіеся факты, и вывести тѣ нормы, которыя создались въ народномъ сознаніи подъ вліяніемъ совершившихся событій. Всякая критика совершившихся событій, ихъ осужденіе или восхваленіе есть вопросъ политики, политическихъ страстей и отнюдь не можетъ найти себѣ мѣсто въ сочиненіяхъ государствовѣда, послѣднія должны быть самымъ чистымъ и яркимъ зеркаломъ государственной жизни страны, а не руководствомъ для политическихъ партій. Политическія убѣжденія есть дѣло свободной совѣсти каждаго индивидуума, созданіе его внутреннего „я“—вотъ почему, конечно, и тотъ же юристъ не можетъ отказаться отъ самого себя, стать выше своихъ симпатій, но онъ долженъ помнить, что его сочиненія, его слова, рисуя картину общественной жизни страны, должны быть самой чистой фотографіей, воспроизводящей картину государственнаго строя, которую общество уже само вольно комментировать и понимать ее по своему. Въ области нашей юриспруденціи мы можемъ отмѣтить извѣстную робость, извѣстную пассивность въ изложеніи основъ нашей государственной власти,—вся наша юридическая наука по преимуществу стремилась уложить нормы нашего строя въ рамки теоріи,—и изъ этого выходила натянутость, а нерѣдко и полная неопредѣленность.

Впрочемъ это и понятно, мы не имѣемъ самостоятельнаго взгляда въ своей политической и юридической наукѣ, а лишь копируемъ въ большинствѣ случаевъ воззрѣнія западныхъ теорій, забывая слова одного изъ видныхъ представителей науки Л. ф.-Штейна: „въ землѣ и народѣ государство имѣетъ свою индивидуальность... Такое индивидуальное образованіе своей естественной жизни принадлежитъ каждому государству. Посредствомъ него все, а безъ него ничего нельзя вполне объяснить и понять въ дѣйствительно существующемъ государствѣ“. Правда, всякая наука есть наука космополитическая, это такъ, но не слѣдуетъ забывать при этомъ, что въ наукахъ социологическихъ и политическихъ методъ синтеза дастъ намъ болѣе возможности установить общія понятія, а поэтому вмѣсто того, чтобы принимать, какъ святыню, концепціи юридическихъ понятій, составленныхъ иностранными учеными, на основаніи сдѣланныхъ ими выводовъ изъ окружающей ихъ обстановки, созданной подъ вліяніемъ внѣшней и внутренней исторической и бытовой жизни, и насильно натягивать эту перчатку иноземнаго опредѣленія на руку русской дѣйствительности только для того, чтобы втиснуть ее

въ эту готовую, можетъ быть, мастерски, но для чужой руки приготовленную форму, было бы болѣе рациональнымъ для русской науки, и полезнымъ для русскаго общества, если бы русскія ученія въ такихъ воспріятіяхъ проанализировали теоретическія ученія иностраннаго юриста, дѣлающаго свой вкладъ въ міровую науку съ точки зрѣнія жизни, условій и примѣнимости къ государству, величайшему на земномъ шарѣ; можетъ быть, тогда такая дисциплина, какъ ученіе о государствѣ, была бы расширена включеніемъ въ нее понятій, соответствующихъ реальной жизни, а не подводимыхъ, какъ это дѣлается нынѣ, подъ существующія уже теоретическія представленія. Трудно установить, въ силу какихъ условій происходитъ это нежеланіе скроить перчатку юридическихъ концепцій по русской рукѣ, вѣроятно же всего, въ силу психо-соціологическихъ условій поклоненій передъ внѣшней стороной Запада, политѣйшаго обособленія науки права отъ реальной жизни и пассивности нашей натуры, но во всякомъ случаѣ какъ съ кафедры, такъ и въ литературѣ мы все время слышимъ о правовомъ строѣ Запада и весьма мало—объ общихъ началахъ нашего государственнаго строя. Между тѣмъ, эта нищета нашей юридической науки давно уже сознается и восполнить эти пробѣлы хотя бы съ точки зрѣнія указанія общихъ началъ и установленія связи между историческимъ прошлымъ и современностью брались наши публицисты, а иногда и психологи русской дѣйствительности, создававшіе въ своихъ романахъ, повѣстяхъ и отдѣльныхъ статьяхъ рельефныя картины интересной, оригинальной, многосторонней и быстромѣняющейся русской жизни. Нельзя не считаться со взглядами лицъ этихъ двухъ категорій, воспроизводившихъ то господствовавшее въ средѣ русскаго общества сознаніе своихъ особенностей, неизвѣстныхъ и чуждыхъ нашимъ юристамъ, безъ котораго нельзя приступать къ объясненію основъ государственной жизни, ни изучать ихъ, довольствуясь лишь общими взглядами Руссо, Монтескье, Гоббса, Локка и мн. др. Прежде чѣмъ изучать міровыя идеи, надо ознакомиться съ своими мѣстными, а это игнорируется нашими юристами. Наше государство существуетъ болѣе 1000 лѣтъ; кажется, мы должны имѣть свое какое бы то ни было право, какія бы то ни было основы власти, которыя нуждаются въ изученіи, а не въ одной лишь ихъ критикѣ или восхваленіи, какъ это мы обыкновенно видимъ. И въ настоящее время, послѣ реформъ и установленія новаго порядка дѣятельности нашей государственной машины, это стремленіе признать

въ нашей конституціи господство излюбленныхъ теоретическихъ основъ проявилось съ большей силой. Цѣлый рядъ нашихъ извѣстныхъ юристовъ съ Лазаревскимъ, Гессеномъ, Шалландомъ, Кокоскинымъ и др. во главѣ въ своихъ сочиненіяхъ игнорируютъ всякія особенности нашей конституціи. Однако, онѣ существуютъ и нуждаются въ освѣщеніи и изученіи—и это понялъ одинъ нѣмецкій юристъ—Dr. Schlesinger (*), который, указывая на оригинальныя мысли современной русской конституціи, не смотритъ на нее такъ узко и односторонне, какъ наши юристы, а полагаетъ, что въ области современного русскаго государственнаго устройства „теоретикамъ государственнаго права, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ открывается новое обширное поле“ (**). Мы не говоримъ о необходимости націонализировать науку о государствѣ—это было бы абсурдно, мы только утверждаемъ, что наука о государствѣ только можетъ тогда называть себя этимъ именемъ, когда она объемлетъ въ себѣ ученія о всѣхъ видахъ государственнаго устройства и создастъ на этомъ основаніи общее понятіе государства. Пока же она остается при своей нѣбшней задачѣ изложенія основныхъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе устройства нѣкоторыхъ западныхъ европейскихъ государствъ, гордыхъ своей культурой, то это явится только описаніемъ политическаго строя тѣхъ странъ, которыя стремятся занять въ этомъ отношеніи привилегированное положеніе среди семейства государствъ, создавъ теорію, неподдающуюся общему опредѣленію—правового государства. И, дѣйствительно, какъ установить дѣленіе на правовой и неправовой строй съ точки зрѣнія логики, если родовое понятіе—право ускользаетъ отъ нашего опредѣленія. Но даже если для объясненія себѣ понятія правового или неправового строя мы обратимся къ существующимъ опредѣленіямъ права, то всякій, не посвященный въ схоластическія дебри современной юридической метафизики, можетъ дойти до различныхъ противорѣчивыхъ выводовъ. Возьмемъ, напр., опредѣленія Іеринга и его послѣдователей права, какъ принужденія,—оказывается тогда, что только то государство, которое носитъ наименованіе правового, обладаетъ совокупностью принудительныхъ нормъ для исполненія своихъ велѣній, неправовое же ихъ не имѣетъ. Тогда какъ въ дѣйствительности любое изъ восточныхъ государствъ, относимыхъ къ

(*) Dr. M. L. Schlesinger—die Verfassungsreform in Russland—(Jahrbuch des öffentlichen Rechts b. II. 1908. heraus von Iellinek, Laband und Piloty).

(**) *ibid* стр. 423.

категоріи неправовихъ, не только обладаетъ элементомъ принужденія, наравнѣ съ правовыми западно-европейскими, но и пользуется, въ лицѣ своего единого носителя нераздѣльной власти, болѣе строгими и рѣшительными мѣрами для исполненія своихъ вѣлѣній. Весь недостатокъ заключается въ абстрактности науки о государствѣ, въ многочисленности теорій, опредѣленій различныхъ кривотолковъ, что до чрезвычайности усложняетъ ту науку о государствѣ, которая должна быть проста, ясна, общедоступна и носить въ себѣ отраженіе общественнаго устройства, быть зеркаломъ жизни, а не повелѣвать и не поработать себѣ общественное сознаніе своими запутанными умозаключеніями, подчасъ трудно приложимыми на практикѣ. Возьмемъ, хотя бы такое вѣдѣвшееся въ плоть и кровь ученіе, какъ теорія раздѣленія властей, въ основаніе которой легла истолкованная Монтескье система государственнаго строя Англіи. Его ученіе оказалось затѣмъ далеко не точно приложимымъ именно къ тому государству, которое ему казалось идеаломъ политическаго устройства. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ иныхъ, теорія создавалась не подъ вліяніемъ объективной систематизаціи явленій, но подъ субъективнымъ давленіемъ индивидуальнаго воззрѣнія, подкрѣпляемаго извѣстнымъ внѣшнимъ корреспондирующимъ соотношеніемъ между реально существующимъ и идейно представляемымъ. Подобная тенденція существуетъ и до настоящаго времени, и наука о государствѣ вмѣсто того, чтобы учить, что есть, учить тому, что должно быть,—вмѣсто реально существующаго строить теоріи идеальнаго бытія, переходя нерѣдко въ сферу утопій или чисто фантастическихъ ученій, въ родѣ Фурье.

Съ другой стороны абсентеизму дисциплины о государствѣ отъ реальной жизни способствуетъ отдѣленіе отъ нея исторіи политическаго строя и обособленіе этой науки въ исторію права. Въ этомъ отношеніи на весьма правильной точкѣ зрѣнія стоятъ англійскіе юристы, которые признають необходимымъ изученіе современныхъ институтовъ въ связи съ исторією ихъ развитія. Это является вполне понятнымъ и правильнымъ и особенно цѣннымъ въ странѣ, не имѣющей кодифицированныхъ основныхъ законовъ; нельзя сказать, какъ это иногда думаютъ, что ихъ въ Англіи нѣтъ, тамъ просто нѣтъ различія между основными и вообще законами, а поэтому тѣ статьи, которыя внесены въ конституціонные законы западно-европейскихъ государствъ, если онѣ соотвѣтственно существуютъ и для Англіи, то ихъ слѣдуетъ искать въ книгѣ статутовъ, заключающей въ себѣ всѣ зако-

ны, изданные въ теченіе всего существованія англійскаго королевства, поэтому Anson говоритъ, что англійская конституція скорѣе практична, чѣмъ симметрична; это вполне понятно, такъ какъ каждый изъ тѣхъ законовъ, который намъ кажется основнымъ, издавался здѣсь по мѣрѣ возникновенія въ немъ потребности, а не являлся плодомъ отвлеченнаго мышленія, какъ это мы видимъ въ континентальныхъ законодательствахъ, гдѣ нерѣдко вся совокупность основныхъ законовъ, регулирующихъ всю жизнь страны, т. е. конституція, издается въ одинъ день, а подчасъ является въ своихъ основахъ не результатомъ историческихъ наслоеній и потребностей, а плодомъ единоличнаго труда. Въ нашихъ старыхъ основныхъ законахъ было также замѣтно это естественное наслоеніе, т. к. въ ч. I т. I входили издаваемые время-отъ-времени законодательныя постановленія различныхъ эпохъ, начиная съ 1667 г. Правда, старые основные законы были не полны, оставалось значительное количество назрѣвшихъ вопросовъ неурегулированными и ощущалась потребность въ ихъ дополненіи. Ревизія же ихъ въ 1906 г., введя въ составъ ч. I, т. I 178 новыхъ статей подъ вліяніемъ принциповъ западно-европейскихъ основныхъ законовъ, стала до нѣкоторой степени на континентальную точку зрѣнія, воспринятую и у насъ подъ вліяніемъ юридическихъ ученій—измѣненія и созданія конституціи въ одинъ день однимъ почеркомъ пера. Впрочемъ эти статьи, доминирующія по своему количеству, частью вполне свободно помѣстились среди старыхъ статей, изложивъ въ письменномъ видѣ или признанные давно принципы, но не изложенные въ законахъ, какъ напр. признаніе Государя Императора главой судебной власти, или тѣ вѣлѣнія государственной власти, которыя издавались по мѣрѣ ихъ потребности, но не находили себѣ изложенія или перечисленія въ статьяхъ основныхъ законовъ, частью же легли совершенно особеннымъ слоемъ, и нужно ждать, пока онѣ войдутъ въ плоть и кровь народнаго сознанія послѣ изданія дополнительныхъ специальныхъ узаконеній; сюда слѣдуетъ отнести, напр., свободу слова, печати и проч. Вся сила закона и все достоинство его заключается не въ установленіи имъ какихъ-либо новыхъ началъ или принциповъ, а въ регулированіи имъ тѣхъ нормъ, которыя признаны самой жизнью, и имѣютъ свое основаніе въ прошломъ. Вотъ почему законодательство не должно забѣгать далеко впередъ, а идти рядомъ съ жизнью, не сходя съ основъ своихъ, исторіей установленныхъ, принциповъ. Наши новые основные законы не сошли въ своемъ характерѣ съ историческаго своего основанія; могутъ возникать различныя мнѣнія

объ ихъ существѣ и ихъ принципахъ, возможны ихъ толкованія съ различныхъ точекъ зрѣнія, но, берясь за ихъ изложеніе, слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ личныхъ симпатій и излагать основы государственнаго строя по основнымъ законамъ такъ, какъ говорятъ ихъ статьи,—безъ всякой ихъ критики. Лучшая критика закона и конституціи—это жизненная практика, а не субъективный теоретическій взглядъ. Если ими вводится какое-либо новое понятіе, неизвѣстное существующей теоріи, то мы не должны избѣгать его разсмотрѣнія, а, наоборотъ, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію его исторіи и изложить въ соотвѣтствіи съ тѣми обстоятельствами, которыя способствовали его возникновенію.

Приступая въ настоящее время къ изложенію основъ нашей государственной власти въ томъ видѣ, какъ о ней говорятъ основные законы, намъ придется отступить отъ общихъ рамокъ теоріи, чтобы изложить принципы нашихъ основныхъ законовъ, памятуя, что государство, какъ и отдѣльная личность, пользуется правомъ свободнаго внутренняго развитія, и что оно, какъ и отдѣльная личность, всегда имѣетъ свои индивидуальныя особенности, и послѣднія бываютъ всегда болѣе оригинальны и разительны, чѣмъ индивидуумъ болѣе силенъ и независимъ. Посредственностью всегда имѣетъ шаблонъ, личность сильная всегда найдетъ твердые и правильные пути для своего развитія и усовершенствованія.

Исходя изъ указаннаго нами выше взгляда на узость понятія о нашемъ государственномъ строѣ, объясняемой игнорированіемъ историческихъ основъ государственной жизни, непринятіемъ въ расчетъ особенностей быта и народной психологіи, разсмотрѣніемъ его исключительно съ основанной на чужеземныхъ примѣрахъ точки зрѣнія, являлось бы весьма желательнымъ изложить основы нашего государственнаго строя, какъ представляющихъ извѣстную оригинальность, въ томъ видѣ, въ которомъ мы знаемъ ихъ въ настоящее время въ связи съ историческимъ ихъ развитіемъ, съ ученіемъ о нихъ, какъ нашихъ юристовъ, такъ и публицистовъ и съ уясненіемъ себѣ характера реформъ законодательства и ихъ вліянія на общія историческія основы власти. Подходя къ этому вопросу, мы должны изъяснить въ какую опредѣленную конституированную форму вылился нашъ вѣками слагавшійся строй, въ какой степени онъ сходенъ со строемъ другихъ конституціонныхъ государствъ, и въ какомъ видѣ его неизмѣнныя основы руководятъ общимъ ходомъ жизни русскаго государства.

Глава II.

ИСТОРИЧЕСКОЕ развитіе идеи русской государственной власти.

Какъ уже отмѣчено выше, нельзя изучать государственный строй безъ соотношенія съ исторіей. Это положеніе имѣетъ особенно большое значеніе для государствъ съ оригинальнымъ строемъ, съ ярко выраженнымъ и особенно ему присущимъ принципомъ, положеннымъ въ основу государственной системы. Взгляните, напримѣръ, на Англію: она выросла на феодальныхъ порядкахъ и вся ея государственная система развилась послѣдовательно, представляя собой рядъ причинъ и слѣдствій; и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ, въ области поземельныхъ отношеній сохраняются доселѣ старыя неизмѣнныя, можетъ быть, даже и непрактичныя понятія.

У насъ, въ Россіи, при извѣстной твердости историческихъ завѣтовъ и принциповъ, которые не могли исчезнуть подъ вкоренившимися въ жизнь посторонними вліяніями и заимствованіями, а наоборотъ, сами стремились подчинить ихъ себѣ или согласовать съ своими требованіями, жизнь съ большимъ трудомъ можетъ быть отклонена отъ своихъ естественныхъ путей, несмотря даже на многочисленныя осужденія русскими своихъ національныхъ началъ и на то, что немного есть такихъ, которые бы могли повторить слова Пушкина: „Ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ“ (*). Но въ то же самое время при широкомъ увлеченіи космополитическими идеями, большинство инстинктивно и поддерживаетъ, и развиваетъ, и отстаиваетъ тѣ жизненные русскіе принципы, за которыми стояли многія поколѣнія, браня ихъ въ теоріи и не будучи въ сущности знакомы съ ихъ исторіей.

(*) Почти эти же слова говорилъ англійскій писатель Куперъ: „England with all thy faults, I love thee still“.

Было бы весьма желательно и полезно вникнуть въ смыслъ русской исторіи, во всё ея событія, чтобы яснѣе представить себѣ основы нашей власти. Но такое подробное историческое изложеніе потребовало бы много времени и мѣста,—вотъ почему въ настоящемъ очеркѣ приходится пожертвовать подробнымъ разсмотрѣніемъ многихъ историческихъ событій и учреждений, сыгравшихъ важную роль въ исторіи Россіи, и достаточно изученныхъ, и остановиться лишь или на общихъ историческихъ выводахъ, или на тѣхъ взглядахъ и фактахъ, которые необходимы для уясненія себѣ тѣхъ или иныхъ сторонъ историческихъ событій, имѣвшихъ вліяніе на характеръ государственной власти.

Если стать на историческую точку зрѣнія и объективно разсмотрѣть всё стадіи нашего государственнаго развитія, то тогда быть можетъ и явится возможность выяснить основы нашего современнаго политическаго строя. Все наше пониманіе исторіи въ этомъ отношеніи, начиная съ первой половины XIX вѣка, рѣзко раздѣлилось на два направленія—одни искали идеалы за Петромъ Вел. и стремились изъ московской эпохи вывести общіе принципы русской жизни, другіе игнорировали всю русскую исторію до Петра, видѣли лишь съ этого царствованія зачатокъ развитія культурной жизни, разыскивали идеалы за западной границей и требовали постоянной погони за европейской цивилизаціею. Одни уходили въ глубь, другіе въ сторону, не останавливаясь на разсмотрѣніи настоящаго положенія дѣлъ, являющагося извѣстнымъ слѣдствіемъ историческаго развитія. Славянофилы, почти единственная самобытно-національная партія, особенно склонны, разбирая московскую эпоху исторіи Руси, вывести изъ нея свои слѣдствія, заключенія и объясненія сущности государственной власти, не принимая во вниманіе всё послѣдующіе, выработанные жизнью, принципы. Вотъ почему, не идеализируя того или иного періода русской исторіи, слѣдуетъ учесть характеръ русской государственной власти въ зависимости отъ тѣхъ вліяній, подъ которыми она росла съ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ временъ.

Что такое былъ любой удѣльный князь, какъ не помѣщикъ съ современной точки зрѣнія, получавшій свою вотчину по наслѣдству и дробившій ее между своими нисходящими наслѣдниками? Чѣмъ инымъ были княжескіе съѣзды, на которыхъ старались разрѣшить взаимные споры, какъ не съѣздъ родственниковъ, которые владѣли русской землею на правахъ вѣчнаго, потомственнаго владѣнія? Да и какъ могло быть иначе, если вла-

дѣіе любого удѣльнаго князя по величинѣ и по числу подданныхъ было не болѣе помѣстья XVIII вѣка. Каждый князь жилъ, какъ помѣщикъ, занимался своими хозяйственными дѣлами и велъ споры съ своимъ сосѣдомъ-родственникомъ. Но какъ западные варвары тяготѣли къ Риму, такъ восточные стремились къ Византіи. Вотъ это-то поклоненіе и подраженіе Византіи и даетъ толчекъ къ воспринятію у насъ государственной идеи восточно-византійскаго характера.

Идея власти византійскаго императора нашла себѣ адептовъ на Руси и стремленіе сравняться съ Византіей мы видимъ въ продолженіе всей русской исторіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, до Бориса Годунова, до введенія патріаршества. Эта тенденція постепенно росла и укрѣплялась, и развитію ея не мало способствовали и историческія событія, и различныя ученія, вродѣ, напримѣръ, ученія старца Филофея о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ. Эту же идею поддерживали и развивали и представители нашей древней учености—лѣтописцы. С. Корфъ въ статьѣ (*) объ отношеніяхъ древне-русскаго лѣтописца къ монархическому принципу пишетъ, что монархизмъ, какъ единственная возможная основа государства, составлялъ фундаментъ политическаго міросозерцанія древняго книжника, воспитаннаго и выросшаго на византійскихъ идеалахъ государственнаго устройства. Паденіе Константинополя и бракъ Іоанна III-го содѣйствовали признанію за Русью права на преемство византійскихъ традицій. Въ 1517 году игуменъ Синайской обители Даниилъ величаетъ великаго князя полнымъ титуломъ греческихъ царей, называя его „самодержавнымъ-боговѣнчаннымъ величайшимъ царемъ всея Россіи“. Это смѣшеніе національнаго частноправоваго характера власти и византійскаго религіознаго автократизма и легло въ основаніе нашей идеи о Верховной власти и нашемъ государственномъ строѣ. Такая единоличная власть съ частноправовымъ характеромъ, принадлежавшая князьямъ-вотчинникамъ изъ одного рода, препятствовала созданію аристократіи и крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, образовавшихъ на Западѣ господствовавшій классъ, который уже въ началѣ XIII в. въ Венгріи и Англіи добился письменнаго подтвержденія своихъ фактическихъ правъ и преимуществъ въ ущербъ полнотѣ королевской власти. У насъ не было феодализма, и это признается всѣми, даже тѣми учеными, которые стремятся найти его зачатки въ нашей исто-

(*) Журн. мин. нар. просв. Іюль 1909 г., стр. 64.

ріи. „Послѣдствіемъ иммунитета на Западѣ“, говоритъ Павловъ-Сильванскій, „былъ захватъ крупнѣйшими землевладѣльцами верховной власти, иммунитетъ послужилъ опорой для образованія средневѣковыхъ княжествъ-государствъ. Этого послѣдствія у насъ иммунитетъ не имѣлъ..... Ни одинъ удѣльный бояринъ не превратился въ князя-государя. Но это произошло по совершенно случайной причинѣ—вслѣдствіе быстрого размноженія владѣтельныхъ князей Рюриковичей. Родъ Каролинговъ рано угасъ. У насъ въ моментъ назрѣвшаго раздѣленія страны оказалось на лицо множество потомковъ Всеволода Большого Гнѣзда..... И „окняженіе“ земли у насъ, въ противоположность Западу, предугадало ея „обояреніе“ (*). Не входя въ детальное разсмотрѣніе причинъ, почему феодализмъ не развился у насъ на Руси, хотя идеи его легко могли бы быть занесены, если бы не зародились сами, изъ сосѣдней Венгріи, съ которой въ удѣльный періодъ, русскіе стояли въ близкихъ сношеніяхъ или изъ другой западной страны, мы можемъ видѣть, что отсутствіе феодальныхъ началъ дало совершенно особое направленіе русской жизни. Феодальный западный строй создалъ борьбу классовъ, выдвинулъ одинъ классъ выше другихъ, заставилъ королевскую власть за сохраненіе единства власти и государства бороться съ земельной аристократіей. Короли искали въ горожанамъ союзниковъ противъ феодаловъ, когда послѣдніе были сломлены, и короли могли торжествовать свою побѣду, тогда они измѣнили свою политику и стали вмѣстѣ съ бывшими феодалами оказывать давленіе на свободныхъ гражданъ съ цѣлью извлеченія отъ нихъ доходовъ. Посмотрите, на примѣръ, на исторію Франціи XVI—XVIII в. в.: закончивъ свою борьбу съ феодалами, французскіе короли, сами по себѣ тѣ же феодалы, восприняли и ихъ тенденціи—угнетать населеніе въ цѣляхъ извлеченія большихъ доходовъ на покрытіе издержекъ по содержанію своего двора. Потому и событія французской революціи, изгнаніе династіи и провозглашеніе республики носило характеръ какъ бы борьбы между угнетаемой націей и феодаломъ-королемъ. Точно также и въ другихъ государствахъ, слѣдовавшихъ примѣру блестящихъ Людовиковъ, вслѣдъ за французской революціей возникаетъ аналогичная борьба между недоувѣряющей націей и королемъ, заканчивающаяся конституціоннымъ договоромъ, устанавливающимъ права націи и короля,—таковъ характеръ конституцій германскихъ и ро-

(*) Павловъ-Сильванскій. Иммунитетъ въ Удѣльной Руси. 1900 г., стр. 48.